

Арктика и Север. 2026. № 64. С. 174–201.

Научная статья

УДК [94(470)"19/20"+94(481)"19/20":341](045)

DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64.174>

200 лет на страже соседства.

Российско-норвежская граница: от фронта к национальному рубежу

Зайков Константин Сергеевич^{1✉}, доктор исторических наук, доцент

Комаров Алексей Алексеевич², кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник

¹ Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, набережная Северной Двины, 17, Архангельск, Россия

² Институт всеобщей истории РАН, пр. Ленинский, 32А, Москва, Россия

¹ k.zaikov@narfu.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6479-416X>

² alexeykomarov@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5247-5866>

Аннотация. В работе на основе архивных материалов России, Норвегии и Швеции, а также историографического анализа реконструируется эволюция российско-норвежской границы от средневековых «общих округов» с их двоеданничеством и фронтальным статусом через переговоры о делимитации границы 1825–1826 гг., когда подполковник Галямин и полковник Спёрк заложили линию, пережившую смену империй, утрату по Тартускому договору 1920 г. и восстановление в 1947 г., основываясь на всё те же документы 1826 г. Особое внимание уделено асимметричности восприятия: граница, выгодная для Швеции и Норвегии, сформировала у норвежской элиты страх перед российской ревизией, тогда как в России, особенно в Архангельской губернии, она воспринималась как территориальная потеря, породившая устойчивый миф о предательстве Галямина. Показано, что устойчивость границы определялась не столько географией или военной силой, сколько способностью сторон — даже в периоды идеологического противостояния — удерживать конфликт в институциональных рамках и не поддаваться соблазну реваншизма. Исследование позволяет по-новому взглянуть на историю двусторонних отношений, выявить внутри- и внешнеполитические интересы, стоявшие за теми или иными образами России и Норвегии, и извлечь уроки для современной геополитической ситуации, в которой двухсотлетний опыт соседства может стать не яблоком раздора, а ресурсом взаимопонимания.

Ключевые слова: Крайний Север, российско-норвежская граница, фронт, асимметричное соседство, трактат 1826 г., «русская угроза», саамы, делимитация 1947 г.

200 Years of Guarding the Neighborhood.

The Russian-Norwegian Border: From Frontier to National Boundary

Konstantin S. Zaikov^{1✉}, Dr. Sci. (Hist.), Associate Professor

Alexey A. Komarov², Cand. Sci. (Hist.), Leading Researcher

¹ Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Naberezhnaya Severnoy Dviny, 17, Arkhangelsk, Russia

² Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Leninsky pr. 32A, Moscow, Russia

¹ k.zaikov@narfu.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6479-416X>

² alexeykomarov@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5247-5866>

* © Зайков К.С., Комаров А.А., 2026

Для цитирования: Зайков К.С., Комаров А.А. 200 лет на страже соседства. Российско-норвежская граница: от фронта к национальному рубежу // Арктика и Север. 2026; 64: 174–201. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64.174>

For citation: Zaikov K.S., Komarov A.A. 200 Years of Guarding the Neighborhood. The Russian-Norwegian Border: From Frontier to National Boundary. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2026; 64: 174–201. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64.174>

Статья опубликована в открытом доступе и распространяется на условиях лицензии [CC BY-SA](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Abstract. This work, based on archival materials from Russia, Norway and Sweden, as well as a historiographical analysis, reconstructs the evolution of the Russian-Norwegian border from the medieval “common districts” with their dual taxation and frontier status, through the border delimitation negotiations of 1825–1826, when Lieutenant-Colonel Galyamin and Colonel Spørck established a boundary that survived the collapse of empires, the territorial changes introduced by the 1920 Treaty of Tartu, and its restoration in 1947 on the basis of the same legal documents of 1826 and 1896. Particular attention is paid to the asymmetry of perception: the border, which was advantageous to Sweden and Norway, fostered fear amongst the Norwegian elite of a Russian revision, while in Russia, particularly in the Arkhangelsk Governorate, it was perceived as a territorial loss, giving rise to a persistent myth about Galyamin’s betrayal. It is demonstrated that the stability of the border was determined not so much by geography or military strength as by the ability of the parties — even during periods of ideological confrontation — to restrain the conflict within institutional frameworks and resist the temptation of territorial revisionism. This study offers a renewed perspective on the history of bilateral relations, identifies the domestic and foreign policy interests underlying particular perceptions of Russia and Norway, and highlights insights for the contemporary geopolitical situation, in which two centuries of neighborly experience may serve not as a source of dispute, but as a resource for mutual understanding.

Keywords: *Far North, Russian-Norwegian border, frontier, asymmetric neighborhood, Treaty of 1826, “Russian threat”, Saami, 1947 border delimitation*

Введение

Российско-норвежская граница представляет собой уникальный феномен в системе международных отношений Европы. Будучи самой старой границей современной России с зарубежными странами на Европейском севере¹, она на протяжении двух столетий демонстрирует поразительную устойчивость, пережив смену империй, две мировые войны, радикальную трансформацию политических режимов и даже временную утрату своей линии в 1920 г. Однако эта устойчивость — не результат географической предопределённости или военного паритета. Скорее, она является следствием сложного переплетения асимметричных восприятий, институциональных компромиссов и взаимных страхов, которые, парадоксальным образом, создавали условия для долгосрочной стабильности даже в периоды острой конфронтации.

Особенность российско-норвежского соседства на Крайнем Севере заключалась в том, что это были соседи не просто разные по своим территориальным размерам, но принципиально различные по своей внутренней динамике развития и отношению к границе как политическому институту (Зайков, Куприков, Куприков, 2020; Zaikov, 2019). С одной стороны — огромная многонациональная империя, для которой открытые пограничные зоны были скорее преимуществом, чем проблемой (Johnsen, 1923; Nielsen, 2014). С другой — малое государство, последовательно двигавшееся к построению национального государства и потому стремившееся к герметичным, чётко очерченным рубежам (Niemi, 2005; Кристиансен, 2010). Эта структурная асимметрия, как мы покажем, определяла не только ход переговоров о разграничении в 1820-е гг., но и всё последующее восприятие

¹ Johanson Bodil B. OVERENSKOMSTEN mellom den Kongelige Norske Regjering og Regjeringen for Samveldet av Sovjetiske Sosialistiske Republiker om forskjellige forhold ved den norsk-sovjetiske grense og om fremgangsmåten ved ordningen av konflikter og hendinger på grensen. 50 år 1949–1999. Kirkenes: Norges Grensekommissariat, 1999. 70 s.

соседа — как в Норвегии, так и в России (Palmstierna, 1932; Roginsky, 2005).

В центре нашего внимания находится сам процесс разграничения — не как технический акт нанесения линии на карту, а как сложный политико-дипломатический конструкт, в котором переплелись интересы центральных властей, региональных элит и локальных сообществ (Голдин, Зайков, Тамицкий, 2015; Ishizuka, 2005). Именно в этом переплетении, как мы полагаем, кроется ключ к пониманию феномена границы 1826 г.: она была установлена не столько по принципу «естественных рубежей» или этнических границ, сколько в результате серии компромиссов между имперской логикой открытых фронтиров и национальным стремлением к определённости (Andresen, 1989; Wikan, 1995). И этот компромисс — пусть несовершенный и воспринимавшийся обеими сторонами по-разному — оказался на удивление жизнеспособным.

Обращение к данному сюжету сегодня, в преддверии 200-летнего юбилея трактата 1826 г., приобретает особое звучание. Современная геополитическая ситуация — с возвращением риторики «русской угрозы» в Северной Европе (Åselius, 1994; Нойманн, 2004), вступлением Швеции и Финляндии в НАТО и последовательным сворачиванием приграничного сотрудничества — создаёт запрос на переосмысление исторического опыта соседства. Мы сталкиваемся с парадоксальной ситуацией: институциональная граница остаётся неизменной (и это — уникальный случай в современной Европе), но «образы соседа» — те самые «гибкие границы» восприятия — претерпевают стремительную трансформацию, возвращая нас к стереотипам и страхам, которые, казалось, были преодолены в 1990-е гг. В этой связи исторический опыт российско-норвежского пограничья, включающий и периоды острого недоверия, и механизмы его сдерживания, приобретает не только академическое, но и политико-практическое значение.

В историографии проблемы, представленной работами О.А. Йонсена (Johnsen, 1923), К.Ф. Пальмшерны (Palmstierna, 1932), А. Андресен (Andresen, 1989), М. Лахтеенмаки (Lähteenmäki, 2006), Й.П. Нильсена (Nielsen, 2014), Г. Оселиуса (Åselius, 1994), а также трудами российских исследователей — В.В. Похлёбкина (Похлебкин, 1995), Р.А. Давыдова (Давыдов, 2009; Попов, Давыдов, 1999), Б.В. Кростоман (Кростоман, 2003), В.В. Ефимовой (Ефимова, 2010) и др., рассмотрены отдельные аспекты пограничного размежевания, дипломатической истории и адаптации коренного населения к новой границе. Однако существующая историография, к сожалению, не представлена исследованиями, комплексно реконструирующими российско-норвежское пограничье в контексте асимметричного соседства на протяжении всей траектории — от фронта до наших дней². Настоящая статья призвана заполнить этот пробел, предлагая реконструкцию ключевых этапов и механизмов трансформации образа границы и соседа.

Цель данной статьи — переосмыслить эволюцию российско-норвежской границы как политического и социокультурного конструкта в контексте 200-летнего юбилея, показав, что

² Подробный анализ историографии см.: Зайков, Тамицкий, 2016; Голдин, Зайков, Тамицкий, 2015а.

её устойчивость обеспечивалась не столько географией или силой, сколько способностью сторон — даже в периоды острой конфронтации — удерживать конфликт в институциональных рамках и не поддаваться соблазну пересмотра.

Хронологические рамки исследования охватывают период от средневековых договоров до середины XX в., с ретроспективным взглядом на современное значение исторического опыта, поскольку граница 1826 г., оставаясь сегодня не только географическим фактом, но и символическим ресурсом, способна как разъединять, так и, при условии отказа от политизации исторических обид, служить основой для взаимопонимания.

Материалы и методы

Статья подготовлена на основе массива исторических документов из архивов России, Норвегии и Швеции, а также историографического анализа работ российских и скандинавских учёных. В целях изучения эволюции российско-норвежского пограничья от фронта к национальному рубежу и последующего восстановления границы в середине XX в. использовались фонды Государственного архива Архангельской области (ГААО), Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), Российского государственного исторического архива (РГИА), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Архива внешней политики Российской Федерации (АВПРФ), а также Национального архива Норвегии (Riksarkivet) в Осло и Архива института Гувера (США)³. Широко использовались опубликованные сборники документов⁴, а также мемуары норвежских дипломатов, в частности Рольфа Андворда (Andvord, 1964).

Важной группой источников стала периодическая печать, поскольку именно пресса представляет наибольший интерес для исследования формирования и развития мифов о «русской» и «норвежской» угрозе в рамках концепции идеологии. В работе использовались материалы российских газет — «Архангельские губернские ведомости», «Московские ведомости», «Известия», «Правда», «Новое время», — а также норвежских и шведских изданий, включая «Aftenposten», «Svenska dagbladet», «Verdens Gang» и «Tidens Tegn», что позволило реконструировать не только официальные позиции властей, но и общественные настроения, в которых формировались образы восточного соседа.

Для реконструкции процесса делимитации российско-норвежской границы 1826 г. — ключевого события, вокруг которого выстраивается вся нарративная структура статьи — использовался широкий пласт источников из фондов ГААО (Ф. 4, Ф. 1367), АВПРИ (Ф. 1

³ Перечень архивов: ГААО (Ф. 1, Ф. 4, Ф. 1367), АВПРИ (Ф. 1, Ф. 53, Ф. 133, Ф. 155), РГИА (Ф. 1286, Ф. 560), РГВИА (Ф. 38, Ф. 442), ГАРФ (Ф. 48, Ф. 109), АВПРФ (Ф. 06, Ф. 0116), Национальный архив Норвегии (RA/UD, RA/PA, фонды Пребенсена), Архив института Гувера (HIA, «Russia. Missia»).

⁴ Сборники документов: Советско-норвежские отношения 1917–1955 / Под ред. Чубарьяна А.О. и др. Москва; 1997. 683 с.; Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 2. Москва; 1946. 688 с.; Признание Россией Норвежского Независимого Государства / Под ред. В.В. Похлёбкина. Москва; 1958. 106 с.

«Административные дела», Ф. 53, Ф. 133), РГВИА (Ф. 38, Ф. 442), а также норвежских собраний, включая коллекцию документов Николая Груве Пребенсена и фонды Министерства иностранных дел Норвегии. Особую ценность представляют рапорты комиссаров Галямина и Спёрка, содержащие не только топографические данные, но и статистические описания населения общих округов, включая сведения о количестве семей и вероисповедании, а также протоколы переговоров, зафиксировавшие ход дискуссии и аргументацию сторон⁵. Эти документы, позволяющие реконструировать локальное знание саамов и восприятие пространства региональными чиновниками, дополняются дипломатической перепиской между Санкт-Петербургом и Стокгольмом, отражающей асимметричность восприятия пограничной проблемы на уровне центральных властей.

Для изучения более позднего периода, связанного с утратой и восстановлением границы, использовались фонды АВПРФ (Ф. 06 — фонд Молотова, и Ф. 0116 — фонд Референтуры по Норвегии), содержащие переписку по вопросам демаркации границы в 1944–1947 гг., в том числе записки заведующего 5-м Европейским отделом НКВД А.Н. Абрамова, дневниковые записи советских дипломатов и политические отчёты посольства СССР в Норвегии⁶. Эти материалы позволяют увидеть, как в условиях начала Холодной войны и вступления Норвегии в НАТО решение о восстановлении «старой» границы приобрело не только техническое, но и символическое значение.

Проблемное поле исследования выходит за рамки исторической науки как таковой, поэтому учитывалась методология смежных дисциплин — политической антропологии, социологии международных отношений и культурной географии. Это позволило рассматривать границу не как статичную линию на карте, а как динамичный политический и социокультурный конструкт, в котором переплетаются интересы государств и локальных сообществ, а образ соседа является не столько отражением реальности, сколько проекцией собственных страхов и амбиций. Такой подход, на наш взгляд, позволяет наиболее полно реконструировать историю российско-норвежского пограничья и извлечь уроки для современной геополитической ситуации, в которой двухсотлетний опыт соседства может стать не яблоком раздора, а ресурсом взаимопонимания, если, конечно, стороны смогут отделить факты от домыслов и реалии от ожиданий.

Обсуждение

Подавляющее число исследований, близких к теме настоящей публикации, локализовано вокруг отдельных аспектов истории российско-норвежских отношений. Непосредственно истории асимметричного соседства России и Швеции-Норвегии посвящена коллективная монография под редакцией профессора Й.П. Нильсена, вышедшая в 2014 г. и ставшая отчасти методологической основой для данной статьи (Nielsen, 2014). В этом

⁵ Подробнее о работе комиссаров: РГВИА. Ф. 442. Оп. 1. Д. 26; АВПРИ. Ф. 1: Адм. дела II-6. Д. 75, ч. 1; РА, УДЗС/18, рк. 5213 (Архив Пребенсена).

⁶ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 27. П. 127. Д. 6; АВПРФ. Ф. 0116. Оп. 27. П. 127. Д. 5; АВПРФ. Ф. 0116. Оп. 39. П. 156. Д. 10.

фундаментальном труде, охватывающем период 1814–1917 гг., впервые была предпринята попытка представить историю сближения России и Норвегии как взаимосвязанный процесс, однако акцент сделан преимущественно на дипломатической и экономической истории, тогда как проблема восприятия соседа и трансформации образов осталась на периферии исследовательского внимания.

Отдельным вопросам истории российско-шведско-норвежского пограничья, его политическим аспектам посвящены работы О.А. Йонсена, А. Подвысоцкого⁷, Н. Голубцова (Johnsen, 1923; Голубцов, 1910). Классический труд Йонсена «Finmarkens politiske historie» (1923) остаётся важнейшим источником по ранней истории пограничья, однако он написан в русле традиционной политической истории и не учитывает современные подходы к изучению границ как социокультурных конструктов. Публикации российских авторов конца XIX — начала XX в., таких как Подвысоцкий и Голубцов, ценны как источники, отражающие общественные настроения того времени, но страдают излишней публицистичностью и тенденциозностью, в частности, в оценке роли подполковника Галямина, который в российской традиции представал «крайним» за территориальные уступки 1826 г. (Никольский, 1914; Nielsen, 2014).

Среди норвежских авторов, изучающих проблемы восприятия России и российско-норвежские отношения на Крайнем Севере, выделяются Э. Ниemi и Т. Кристиансен, чьи работы посвящены, соответственно, этнической истории Финнмарка и раннему этапу российско-норвежских контактов до 1820 г. (Niemi, 1983; Кристиансен, 2010). Ниemi, в частности, убедительно показал, что корни идеи о «русской угрозе» восходят к 1810–1820-м гг. и связаны с расширением хозяйственной активности поморов на Севере Норвегии, а не только со шведским или английским влиянием, что ставит под сомнение популярный в историографии тезис об иностранном происхождении этого мифа (Niemi, 1992).

В российской историографии проблема образа России в Норвегии и Швеции долгое время оставалась на периферии исследовательского внимания. Отдельные аспекты этой темы затрагивались в работах Р.А. Давыдова и О.В. Чернышёвой, однако эти исследования, как правило, носят либо фрагментарный, либо публицистический характер (Давыдов, 2009; Чернышева, 2003). Исключение составляет работа В.В. Похлёбкина «Признание Россией норвежского независимого государства» (1958 г.), которая, будучи сборником документов, содержит ценные сведения о российско-норвежских отношениях в 1905 г. и позволяет проследить, как «образ угрозы» использовался в дипломатической борьбе накануне распада унии между Швецией и Норвегией⁸. Важным вкладом в историографию являются также исследования А.И. Рупасова и А.Н. Чистикова по истории советско-финляндской границы, в которых рассматривается, в том числе, и северный участок, что позволяет понять контекст

⁷ Подвысоцкий А. Русско-норвежское пограничье // Архангельские Губернские Ведомости. 1877; 96: 6–7.

⁸ Признание Россией норвежского независимого государства (сборник документов) / Под ред. В.В. Похлёбкина. Москва: Соцэкгиз, 1958. 106 с.

утраты и восстановления линии 1826 г. в 1920–1940-х гг. (Рупасов, Чистиков, 2016).

Современная российская историография, представленная работами В.И. Голдина, К.С. Зайкова, А.М. Тамицкого, рассматривает проблемы российско-норвежского пограничья в контексте асимметричного соседства и роли саамов как «третьей силы» между империей и национальным государством (Голдин, Зайков, Тамицкий, 2015а; Голдин, Зайков, Тамицкий, 2015b; Зайков, Тамицкий, 2016). Эти исследования, хотя и фокусируются на отдельных аспектах — роли карт в конструировании границ, финского фактора в истории Северного фронта — последовательно проводят мысль о том, что понимание границы как социокультурного конструкта является необходимым условием для адекватной реконструкции истории двусторонних отношений.

Отметим, что существующая историография вопроса, к сожалению, не представлена исследованиями, комплексно реконструирующими российско-норвежские отношения на Крайнем Севере в контексте асимметричного соседства империи и малой нации на протяжении всей траектории — от фронта до восстановления границы в 1947 г. Большинство работ либо ограничиваются хронологическими рамками XIX в., либо сосредоточены исключительно на дипломатической истории, либо рассматривают отдельные аспекты в отрыве от общей динамики восприятия соседа. Настоящая статья призвана заполнить этот пробел, предлагая реконструкцию ключевых этапов и механизмов трансформации образа границы и соседа — от средневековых «общих округов» до восстановления линии 1826 г. в 1947 г. и её символического значения для современности.

Результаты

«Общие округа»: логика фронта и двоеданничество

История российско-норвежского пограничья до 1826 г. представляет собой уникальный пример сосуществования трёх различных парадигм пространственного воображения на одной и той же физической территории. В терминах нашей концептуальной рамки это был период доминирования **«гибких границ»** — воображаемых рубежей, которые существовали в сознании акторов, но не были закреплены институционально. Отсутствие «жёсткой границы» не означало отсутствия территориальности — скорее, она была организована на иных, догосударственных принципах, где фискальная юрисдикция доминировала над политическим суверенитетом.

Восточные саамы (скольты) с их полукочевым образом жизни, основанным на сезонных миграциях между летними тонями и зимними пастбищами, не признавали государственных границ в их современном понимании. Их пространственное воображение определялось границами наследственных угодий погостов, которые — как показали комиссары Галямин и Спёрк в 1825 г. — были хорошо известны местному населению, но

никогда не фиксировались на картах в качестве межгосударственных рубежей⁹. Для скольтов, принявших в XVII в. православие, пространство было непрерывным и функциональным: оно делилось на участки, используемые в зависимости от времени года для рыбной ловли, охоты, пастьбы оленей и овец¹⁰. Эта архаичная парадигма территориальности не знала «жёстких» политических рубежей — только «гибкие» границы коллективного владения.

Российская империя, чьё присутствие на Крайнем Севере обеспечивалось главным образом лояльностью саамских общин, имевших широкую автономию, была заинтересована скорее в сохранении экстерриториальных форм хозяйствования скольтов, нежели в проведении чёткой границы. Это был классический пример имперской терпимости к «гибким границам»: для огромной многонациональной империи открытые пограничные зоны были скорее преимуществом, чем проблемой, и она продолжала мыслить категориями фронта. Как показал анализ переписки между архангельским генерал-губернатором С.И. Миницким и центральными властями, российская региональная администрация считала все три погоста — Нявдемский, Пазрецкий и Печенгский — неоспоримой частью Российской империи, несмотря на отсутствие документальных подтверждений этого статуса. Губернатор Миницкий сообщал в Санкт-Петербург в 1823 г., что необходимости в демаркации нет, поскольку имеются серьёзные основания полагать, что весь так называемый общий округ фактически принадлежит России¹¹. Он представил в МИД четыре группы аргументов: картографические свидетельства (старые французские карты XVIII в., на которых территория изображалась частью России), Жалованную грамоту Ивана Грозного монастырю Св. Трифона, факты духовной юрисдикции (церковь Св. Бориса и Глеба на р. Паз, православные часовни в Нявдемском погосте и становище Песчаном) и показания самих скольтов, утверждавших, что граница проходит по западной окраине Нявдемского погоста¹². Как выяснилось позже, скольты имели в виду таможенную, а не государственную границу, установленную в 1784–1785 гг. Кольским исправником Шестаковым и землемером Киселевым, но какие-либо картографические материалы этого разграничения не сохранились (Palmstierna, 1932). Этот эпизод показывает, как «гибкая граница» локального воображения (таможенный рубеж) была ошибочно интерпретирована как «жёсткая» государственная граница.

Норвежская сторона, напротив, ещё с XVIII в. стремилась к чёткой демаркации — к трансформации «гибких границ» в «жёсткие рубежи». Именно отсутствие «жёстких рубежей» создавало условия для будущего конфликта, когда норвежское национальное государство, формируясь, начало требовать определённости. Уже в 1775 г. амтман Т. Фьельстед предупреждал датского канцлера в Копенгагене, что Финнмарк легко может быть

⁹ Об экономической адаптации саамов, требовавшей экстенсивного использования территории, и о локальном знании скольтов см.: Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 129; Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 125; Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 127.

¹⁰ О православных скольтах и их образе жизни см.: ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 8. Д. 44; ГААО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 147. Л. 17–18.

¹¹ ГААО. Ф. 4. Оп. 4. Д. 3; ГААО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 87, часть I.

¹² ГААО. Ф. 1367. Оп. 3. Д. 87, часть I.

поглощён Россией, и описывал ситуацию как «важнейший предмет, который в настоящее время интересует правительство, поскольку дошло уже до того, что деятельная и предприимчивая соседняя нация одна использует и владеет общими округами»¹³. Переговоры 1789, 1793 и 1797 гг. не привели к результату: Россия, находившаяся в войне с Турцией и Швецией, уклонялась от разграничения, ссылаясь на военное время и большие расходы. Как писал министр иностранных дел Екатерины II Александр Безбородко, претензии Норвегии на Кольский полуостров были чисто номинальными, поскольку Россия издавна осваивала этот регион¹⁴. Тем не менее, эти переговоры стали важным этапом: предмет обсуждения был географически очерчен «тремя округами», и Кольский полуостров перестал использоваться в качестве козыря в дальнейшей дипломатической игре.

Таким образом, к началу XIX в. сложилась парадоксальная ситуация: три группы акторов — скольты, российские региональные власти и норвежская администрация — имели принципиально различные представления о статусе общей территории. Эта асимметрия восприятия станет фундаментальной характеристикой двусторонних отношений на протяжении всего XIX в. Хотя после 1809 г., когда Россия присоединила Финляндию, а Норвегия вошла в унию со Швецией, уже стали возникать предпосылки для пересмотра этого статус-кво. Присоединение Финляндии существенно удлинило общее пограничье, увеличив его почти в три раза, и теперь Финляндия и финские иммигранты на территории Норвегии олицетворяли русское присутствие, поэтому образ границы среди норвежской элиты стал приобретать всё большее военно-политическое значение. «Гибкая граница» (образ восточного соседа) начала трансформироваться в требование «жёсткой границы» (демаркации) на уровне политической элиты.

1826 год: дипломатическая драма рождения границы

Официальные переговоры о разграничении северного фронта начались в 1823 г., после того как годом ранее, в мае–июне 1822 г., в МИД Швеции–Норвегии поступили ноты российского посланника Петра Сухтелена с жалобами русских подданных — коренных жителей общих округов, скольтов, на промыслы подданных Швеции–Норвегии на территории их погостов¹⁵.

В течение 1823–1824 гг. в Норвегии и России было подготовлено несколько проектов разграничения, которые дают ясную картину асимметричного восприятия пограничной проблемы. Проект Финансового департамента Швеции–Норвегии, подготовленный по запросу Госсовета в 1824 г., исходил из того, что, поскольку скольтов было немного, Россия не будет препятствовать передаче меньшей части общей территории Норвегии; граница должна

¹³ Fieldsted, PM av 06.05.1775 til Det Kgl. Danske Cancelli // Riksarkivet (RA). UD, boks 5405, Prebensens avskriftsamling.

¹⁴ АВПРИ. Ф. 53. Оп. 3. Дд. 661, 662.

¹⁵ АВПРИ. Ф. 1: Адм. дела, II-6, часть I.

была следовать по р. Паз от её устья до истока (Johnsen, 1923; ¹⁶). Однако этот проект был подвергнут критике депутатами стортинга, которые в мае 1824 г. учредили «Комитет по развитию Финнмарка» под председательством бывшего амтмана Финнмарка Х.М. Крога. Проект Крога, представленный 31 июля 1824 г., предлагал провести границу от устья р. Ворьемы до её истока, затем к озеру Салмиярви на р. Паз и далее вдоль реки на юг до пограничного пункта Гелзомио¹⁷. Аргументировалось это тем, что норвежские поселения Вардё и Вадсё окажутся на грани выживания, если граница пройдёт по р. Паз, поскольку они лишатся доступа к ресурсам между реками Паз и Ворьема. 6 августа 1824 г. проект Крога был направлен королю и 11 декабря утверждён правительством как руководство к разграничению. Этот проект был попыткой объективировать локальное знание в политическую программу: Круг, хорошо знавший условия Финнмарка, стремился сбалансировать интересы колонистов и центральной власти.

Однако шведско-норвежский министр иностранных дел граф Веттерстедт, опасаясь пассивности России, решил взять инициативу в свои руки. 6 декабря 1824 г., в тот же день, когда стортинг представлял пограничный план Крога Карлу Юхану, шведский поверенный в делах в Санкт-Петербурге барон Н.Ф. Пальмшерн вручил в российском МИД ноту, основанную на проекте Финансового департамента, предлагая принять р. Паз в качестве пограничной линии¹⁸. В это же время архангельский генерал-губернатор Миницкий, находившийся в Петербурге, пытался переубедить Нессельроде и уговорить царя принять пограничную линию, предлагаемую архангельской администрацией — по западной границе Нявдемского погоста. Ему это удалось в июле 1824 г., и российский МИД уже готовил соответствующий проект, но очередная нота Пальмшерны, содержащая новые факты, нарушила планы российских властей: центральное правительство осознало, что не может в полной мере полагаться на информацию из Архангельска¹⁹. Мы видим здесь классический случай искажения информации на пути от локального уровня к центру: региональные чиновники, сами будучи заложниками локального знания, транслировали в столицу представления, не соответствовавшие действительности.

24 марта 1825 г. Александр I принял решение назначить специального уполномоченного офицера в общие округа для совместной со шведским офицером выработки единого плана разделения. Царь предложил принципы: не допускать отторжения территорий, ранее принадлежавших России; передать Норвегии заселённые территории, на которые она имеет бесспорные права; учитывать вероисповедание местного населения; позволить жителям общего округа, которые после разграничения станут подданными одного из государств, перемещаться на территорию другого для занятия промыслами; проявлять по

¹⁶ RA, UD 3C/18, pk. 5213, Prebensens avskriftsamling.

¹⁷ Stortingskomiteens foredrag av 31.07.1824 // D-RA/S-1076/F/Fb/L0001.

¹⁸ АВПРИ. Ф. 1. Адм. дела II-6, часть I; ГААО. Ф. 1367. Оп. 3. Д. 37.

¹⁹ Проект ноты Нессельроде – Веттерстедту, 07.1824; Донесение Нессельроде Александру I, 26.07.1824 // RA/PA-409, VI-1B.

отношению к норвежским коллегам вежливость и обходительность²⁰. С российской стороны выбор пал на подполковника Валериана Емельяновича Галямина — тридцатилетнего опытного топографа российского Генерального Штаба, занимавшего должность заместителя директора при первом в России Топографическом училище. С норвежской стороны был назначен 47-летний полковник Юхан Хенрик Спёрк, участник войн со Швецией в 1808–1809 и 1814 гг., имевший боевой опыт²¹.

4 июля 1825 г. комиссары встретились в г. Коле, а 13 июля прибыли в рыбачий посёлок Песчаное и разделились на группы для проведения топографической съёмки. На девятый день, 22 июля, комиссары встретились в рыбачьем посёлке Шапкино и начали переговоры²².

В ходе переговоров Галямин не собирался оспаривать статус региона как общего, но хотел установить пограничную линию в соответствии с экономической деятельностью и религиозными предпочтениями различных групп. Он предлагал провести границу от р. Паз прямо до Гелзомио, отдав Норвегии Нявдемский погост и часть Пазрецкого с побережьем, где в основном жили лютеране. Спёрк отклонил это предложение и настаивал на проведении границы от устья р. Ворьемы до её истока, затем к Салмиярви и далее вдоль р. Паз к Гелзомио²³. Аргументы Спёрка были таковы: временное право на заготовку леса для гарнизона Вардёхус не даёт гарантий, что русские власти со временем не отменят его; передача же территории между реками Паз и Ворьема Норвегии позволит горным саамам, потерявшим возможность пасти оленей на полуострове Рыбачий, продолжить хозяйственную деятельность на норвежской стороне. Галямин согласился с основными положениями проекта Спёрка, но выдвинул контрпредложение: провести границу не к Салмиярви, а к церкви Св. Бориса и Глеба на левом берегу р. Паз, а оттуда вдоль русла до Гелзомио, считая это компенсацией саамам за потерю обширного участка между реками Паз и Ворьема. Спёрк первоначально возражал, предлагая перенести церковь на российский берег, но Галямин настоял на её сохранении, заявив, что саамы не желают перенесения, поскольку земля, на которой стояла церковь, освящённая Преподобным Трифоном, была священной. В итоге Спёрк согласился перенести границу на север к церкви, отдав России территорию вокруг неё площадью в один квадратный километр, и стороны достигли полного согласия (Johnsen, 1923; ²⁴). Это решение было актом символической объективации: сохранение церкви как сакрального объекта становилось маркером российского присутствия на новой границе.

К концу переговоров Галямин поддержал проект Спёрка. Оба комиссара подразумевали возможность предоставить восточным саамам право заниматься рыболовством и охотой на территории соседнего государства, но обе стороны лишались

²⁰ Представление Александру I о границах в Лапландии, 24.03.1825 // RA/PA-1409, VII.

²¹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 2983; АВПРИ. Ф. 1: Адм. дела II-6, часть 3.

²² АВПРИ. Ф. 1: Адм. дела II-6, ч. 1; RA, UD3C/18, рк. 5213 (Архив Пребенсена).

²³ РГВИА. Ф. 442. Оп. 1. Д. 26; АВПРИ. Ф. 1: Адм. дела II-6, ч. 1.

²⁴ АВПРИ. Ф. 1: Адм. дела II-6, ч. 1.

права выпасать оленей на территории другого государства. Комиссары дали жителям трёхлетний срок для окончательного выбора страны проживания — это была идея Галямина, который был уверен, что пазрецкие и нявдемские лопари решат стать российскими подданными²⁵. 25 сентября 1825 г. норвежское правительство передало свой проект разграничения королю Карлу Юхану, а в Петербурге план был представлен Александру I, который дал указание известить шведско-норвежского короля о готовности России подписать конвенцию (Palmstierna, 1932).

Однако несколько недель спустя после одобрения проекта Александр I скоропостижно скончался в возрасте 48 лет по дороге на отдых к Чёрному морю, и норвежско-российский пограничный договор пришёлся на разгар восстания декабристов. Дело осложнялось тем, что Галямин оказался втянутым в события: его друг и коллега А. Корнилович участвовал в восстании и вечером 14 декабря заходил к Галямину с письмом, которое тот сжёг, узнав об аресте друга. Двое коллег-офицеров дали против Галямина ложные показания, и он был посажен под домашний арест на два с половиной месяца. Следственная комиссия не обнаружила других доказательств его участия в восстании, кроме уничтожения улик, и Галямин избежал судьбы Корниловича, но был переведён в Финляндский полк и находился под негласным наблюдением тайной полиции до 1832 г. (Palmstierna, 1932;²⁶).

После восстания Николай I, глубоко разочарованный в офицерском корпусе, сначала отнёсся к новому договору скептически, возможно, под влиянием барона Дибича, главы Генерального штаба, выступавшего против проекта Галямина и Спёрка. Царь настаивал на проведении границы вдоль р. Паз на всём протяжении и даже хотел отказаться от церкви Св. Бориса и Глеба (Palmstierna, 1932;²⁷). В марте 1826 г. Пальмшерне сообщили о позиции Николая I, но Карл Юхан, стремясь к быстрому продвижению, был готов принять предложение. Однако Пальмшерне, не собираясь следовать инструкциям королевского двора, выждал время, и 24 апреля 1826 г. получил неожиданный ответ: Николай I, желая сохранить политику «добрососедства» в отношении Швеции-Норвегии, решил одобрить проект Галямина–Спёрка (Palmstierna, 1932). В начале мая 1826 г. Пальмшерне и Ф.В. фон Остен-Сакен подготовили текст пограничной конвенции, которая была подписана 27 мая в Стокгольме и 11 июня — в Санкт-Петербурге. Окончательный вариант трактата содержал лишь некоторые изменения: право пересекать границу для рыболовства и охоты предоставлялось всем приграничным жителям, но только на шесть лет, а гарнизону крепости Вардёхус запрещалось заготавливать лес на восточном берегу р. Ворямы²⁸.

Новая граница была проведена на местности летом 1826 г. комиссарами

²⁵ АВПРИ. Ф. 1: Адм. дела II-6, ч. 1; РГВИА. Ф. 442. Оп. 1. Д. 26.

²⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109: 1. Экспедиция. Д. 61, ч. 189; ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 107.

²⁷ РГВИА. Ф. 38. Оп. 1. Д. 62.

²⁸ Там же.

Мейлэндером, Вибе, Тёндером с норвежской стороны и Галяминым с Вейкартом — с российской. Однако при проведении линии Нявдемский погост был ошибочно разделён практически пополам. Как это могло произойти, когда комиссия имела при себе людей из местного населения? Самым очевидным объяснением является то, что у комиссаров были старые шведские карты Лапландии Валленберга (1804 г.), на которых граница погоста изображалась слишком далеко на севере. Таким образом, локальные знания уступили место академическим, но ошибочным взглядам (Johnsen, 1923). Этот эпизод иллюстрирует конфликт между «гибкими границами» локального знания и «жёсткими границами» картографической абстракции: комиссары предпочли академическую карту устным свидетельствам местных жителей.

Пограничная конвенция оказалась достаточно выгодной для Норвегии: она получила наиболее важные в экономическом плане прибрежные районы. Однако недовольство конвенцией в большей степени проявилось в России. Тот факт, что точка зрения архангельских властей была отвергнута царём, привёл к незатихающему недовольству новой границей на протяжении всего XIX в. вплоть до революции 1917 г. Фигура Галямина стала естественным «козлом отпущения» — в народной традиции он выступал как предатель; ходили слухи, что он получил от норвежцев золотую табакерку с бриллиантами или даже мешок со специалерами, в котором под тонким слоем серебра оказались медные монеты, после чего он осознал свою измену и повесился (Никольский, 1914). Однако эти слухи не соответствовали действительности: Галямин прожил долгую жизнь, в 1829 г. ему вернули должность в Генеральном штабе, он отличился в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг. и подавлении Польского восстания 1830–1831 гг., а в 1832 г. стал директором Императорского фарфорового завода в Санкт-Петербурге, завершив карьеру в 1848 г. действительным статским советником (Johnsen, 1923;²⁹). Миф о предательстве Галямина вписывался в концепцию русского народного монархизма, всегда готового простить и оправдать царя и выставить виноватым чиновника. На самом деле решение пойти навстречу шведско-норвежским пожеланиям было принято на высшем уровне в Санкт-Петербурге, и Галямин следовал полученным инструкциям.

Эскалация «лопарского вопроса» и мифов об угрозе (1830–1905)

Основным спорным моментом конвенции 1826 г. оставался вопрос о промысловых правах части приграничных погостов скольтов — земель пазрецких саамов на территории Швеции-Норвегии. Традиционные представления о пространстве и рубежах полукочевой культуры скольтов не соответствовали политическому воображению пространства молодого норвежского государства, озабоченного достижением полной независимости и потому стремившегося поскорее очертить границы собственной территории³⁰. Частичным решением

²⁹ ГАРФ. Ф. 109: 1. Экспедиция. Д. 61, ч. 189.

³⁰ АВПРИ. Ф. II Деп. I-3 Оп. 446. Д. 104 — л. 238-243; RA/UD, Prebensen samling, G05/10/boks 5213.

проблемы стал так называемый «дополнительный протокол 1834 г.», согласно которому пазрецкие саамы сохранили право сёмужьего промысла в бывших своих угодьях — рыбных тонях на территории, отошедшей к Швеции-Норвегии. Все остальные промыслы на территории Норвегии запрещались. Однако эта частичная поправка не делала договор 1826 г. в глазах скольтов менее несправедливым, а узаконенный протоколом сервитут тяготил норвежскую сторону и воспринимался как доказательство готовности России нарушить суверенитет соседнего государства³¹. В терминах нашей концепции, сервитут стал зоной пересечения «гибких границ» (традиционных прав саамов) и «жёстких границ» (государственного суверенитета), создавая постоянный источник напряжённости.

В 1840–1850-е гг. притязания финляндской стороны постоянно расширялись. Сенат Великого княжества Финляндского настойчиво требовал изменить линию границы, утверждённую в 1826 г., или произвести обмен территориями. Стокгольм интерпретировал российские претензии как потенциальное стремление России расширить суверенитет и аннексировать незамерзающие гавани в норвежском Финнмарке (Зайков, Тамицкий, 2016). «Русская угроза», обрисованная британским консулом Джоном Райсом Кроу ещё в конце 1830-х гг., нашла плодотворную почву. Кроу, вице-консул Великобритании в Хаммерфесте, в 1836 г. доложил лорду Пальмерстону, что «норвежский Финнмарк будет в скором времени захвачен Россией» (Давыдов, 2009). Эта доктрина стала классическим примером объективации «гибкой границы» — локальный страх перед русской промысловой экспансией был трансформирован на уровне центральной политики в доктрину военной угрозы. В результате Стокгольм предпочёл закрыть норвежско-финский участок границы для трансграничных промыслов, что и было сделано в 1852 г. (Palmstierna, 1932). Это стало крупнейшим поражением российской дипломатии на Крайнем Севере первой половины XIX в. и показало, как асимметрия восприятия — когда локальные конфликты интерпретируются как имперские амбиции — приводит к ужесточению «жёстких границ» и ограничению «гибких».

Окончательный поворот к политике сдерживания России на Крайнем Севере был сделан в 1855 г. с подписанием «ноябрьского трактата» между Швецией-Норвегией с одной стороны и Великобританией и Францией — с другой. Швеция-Норвегия обязалась не вступать в союз с Россией, а Великобритания и Франция гарантировали неприкосновенность границ Королевства³². Этот договор стал своеобразным рубежом в контексте восприятия соседства малого национального государства и большой империи, имея далеко идущие последствия: он закрепил асимметрию восприятия как структурную характеристику двусторонних отношений.

Во второй половине XIX в. образ «русской угрозы» стал одним из факторов выстраивания внутренней приграничной политики Норвегии. Преобладание ненорвежского

³¹ О сервитуте и проблеме «лопарских промыслов» см.: RA/UD, Prebensen samling; ГААО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 87 (ч. 2) — л. 232-233об.; РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. Д. 910 — л. 1-2, 107.

³² Там же.

населения в Восточном Финнмарке, особенно в районе российско-норвежской границы, воспринималось как иностранное вторжение — проникновение России на норвежскую землю (Niemi, 2008). Здесь мы наблюдаем процесс символической объективации: культурное доминирование интерпретируется как политическая угроза, и «гибкая граница» этнического пространства трансформируется в требование «жёсткой границы» государственного суверенитета. Активное строительство национального государства и страх перед огромной многонациональной Российской империей привели к тому, что незначительные промыслы скольтов на норвежской территории представлялись символом российского присутствия.

В России, пусть и с опозданием на несколько десятилетий, также наблюдалось переосмысление проблемы. На рубеже XIX–XX вв. на территории империи начала кристаллизоваться идеология русского этнического национализма, постепенно проникая и в Архангельскую губернию (Tolz, 2001; Hosking, 1998). Многие официальные лица и журналисты, путешествовавшие вдоль российско-норвежской границы, обращали внимание на странный «выступ», не соответствовавший принципу естественных границ; «искусственный характер» границы на участке от церкви Бориса и Глеба до р. Ворьема, по их мнению, привёл к потере сёмужьих тоней пазрецких саамов³³.

Рост взаимного недоверия и обвинений в экспансионистских планах привёл к переговорам между российскими и норвежскими дипломатами в 1896–1903 гг. МИД России поддерживал позицию архангельской общественности, сформулировавшей программу реванша за «территориальную уступку» 1826 г.: оформить сёмужьи тони скольтов на норвежской территории в частную собственность, включающую запрет на промыслы в тонях для подданных Норвегии. Норвежская сторона, стремившаяся к ликвидации сервитутов, попыталась прощупать возможности одностороннего выхода из протокола 1834 г. или максимального ограничения промысловой деятельности российских саамов. Переговоры закончились ничем: идея добиться экстерриториальности промысловых угодий на территории соседнего суверенного государства не нашла понимания³⁴. Этот эпизод показал предел возможностей политической объективации — даже при наличии сильных общественных настроений пересмотр установленной «жёсткой границы» оказался невозможным без риска масштабного конфликта.

Таким образом, к началу XX в. сложилась парадоксальная ситуация: «жёсткая граница», установленная в 1826 г., оставалась неизменной, но «гибкие границы» восприятия — мифы о «русской» и «норвежской» угрозе — продолжали эволюционировать. Эта двойственная функция «гибких границ» — как инструментов мобилизации и как механизмов сдерживания — стала одной из ключевых особенностей российско-норвежского пограничья. С одной стороны, мифы об угрозе выполняли функцию внутренней консолидации: для

³³ РГИА. Ф. 1286. Оп. 31. Д. 452; РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 520 — л. 1-13; ГААО. Ф. 4. оп. 16 т. 1. д. 988 — л. 4-14.

³⁴ Архив института Гувера (HIA). HI/Russian Missia; Norway/Missia; Sweden/Lapps/box127/14; box127/15.

Норвегии — формирование национальной идентичности в противовес «восточному варварству»; для России — консолидация имперского пространства вокруг идеи защиты «исконных русских земель». С другой стороны, взаимный страх предотвращал радикальные действия и удерживал стороны в рамках институциональных соглашений: каждая боялась, что ревизия границы приведёт к ещё большим потерям. «Жёсткая граница» оказалась защищена «гибкими границами» взаимного страха.

Испытание катастрофами: утрата и возвращение границы (1920–1949 гг.)

Согласно постановлениям Тартуского (Юрьевского) мирного договора между РСФСР и Финляндией, подписанного 14 октября 1920 г., Советская Россия добровольно уступила область Петсамо Финляндии, что дало Финляндии выход к незамерзающему Баренцеву морю. Таким образом, существовавшая с 1826 г. граница между Норвегией и Российской империей исчезла. Как охарактеризовали эту перемену российские историки А.И. Рупасов и А.Н. Чистиков, «государственная граница, определенная Тартуским договором, образно говоря, подвела черту под одним из этапов в развитии отношений между РСФСР и Финляндией. Наступал новый этап, как впоследствии оказалось, не менее сложный и трудный, чем предыдущий» (Рупасов, Чистиков, 2016). В терминах нашей концепции, «жёсткая граница» 1826 г. была деинституционализирована, но «гибкая граница» — образ «старой» линии в сознании местного населения и политических элит — сохранялась. Этот образ окажется важным фактором в 1944–1947 гг., когда встанет вопрос о восстановлении границы.

Двум граничащим государствам предстояло пройти ещё через две войны: советско-финляндскую войну 1939–1940 гг. и советско-финляндскую войну 1941–1944 гг. 12 марта 1940 г. был подписан Московский мирный договор между СССР и Финляндией, по которому советско-финляндская граница изменилась и на Крайнем Севере: в состав СССР были возвращены западные части полуостровов Рыбачий и Средний, уступленные в 1920 г. Однако, несмотря на то что район Петсамо был занят советскими войсками, СССР вывел их из этой области, и за Финляндией сохранились как выход к Баренцеву морю, так и незамерзающий порт Лиинахамари.

Вскоре вопрос о Петсамо приобрел международное измерение, связанное с интересами Германии и Советского Союза. Немецкая экономическая потребность в никеле, добываемом в Петсамо, стала важным фактором финско-германских отношений. Переговоры между Финляндией, Германией и Советским Союзом о никелевых месторождениях в Петсамо в 1940–1941 гг. показали, как ресурсный вопрос переплетался с геополитическими интересами (Паасикиви, 2021; Кросби, 2025). В рассматриваемый период концессия на разработку никелевых месторождений в Петсамо принадлежала англо-канадской компании «Монд Никель». Советский Союз, после того как Германия оккупировала Норвегию, стал рассматривать Петсамо как стратегически важную зону. 23

июня 1940 г. Молотов встретился с посланником Финляндии в СССР Паасикиви и заявил ему, что «советское правительство заинтересовано в никелевых рудниках района Петсамо и желало бы получить на них концессию»³⁵. Советско-финляндские переговоры по этому вопросу продолжались до начала Великой Отечественной войны, но к успеху не привели.

Эта многосторонняя дипломатическая игра вокруг Петсамо показала, как ресурсный вопрос может служить катализатором геополитических изменений. В терминах нашей концепции, экономические интересы Германии и стратегические интересы Советского Союза создавали конкурирующие «жёсткие границы» влияния, в то время как Финляндия пыталась маневрировать между ними, используя «гибкие границы» дипломатических обещаний и договорённостей.

После нападения нацистской Германии на Советский Союз Финляндия выступила на стороне Германии, и 29 июня 1941 г. финские войска перешли советскую границу. Область Петсамо превратилась в ключевой плацдарм для наступления немецко-фашистских и финских войск на Мурманском направлении. Очередная советско-финляндская война (в финляндской историографии — «война-продолжение») завершилась 19 сентября 1944 г. подписанием Соглашения о перемирии между СССР и Великобританией с одной стороны и Финляндией с другой. На этот раз в соответствии с Соглашением область Петсамо была возвращена СССР. Статья 7 Соглашения гласила: «Финляндия возвращает Советскому Союзу область Петсамо (Печенга), добровольно уступленную Финляндии Советским Государством по Мирным Договорам от 14 октября 1920 года и 12 марта 1940 года ...»³⁶. В связи с возвращением области Петсамо (Печенга) Советскому Союзу англо-канадским владельцам компании «Монд Никель» советское правительство выплатило компенсацию в размере 20 млн долл. США.

Область Петсамо и Восточный Финнмарк были освобождены от немецких войск в результате Петсамо-Киркенесской операции, начавшейся 7 октября 1944 г. Границу с Норвегией Красная армия пересекла 18 октября, а 25 октября был взят город-порт Киркенес. Правовой базой пересечения государственной границы Норвегии являлось «Соглашение о гражданской администрации и юрисдикции на норвежской территории после её освобождения союзными экспедиционными силами», подписанное 16 мая 1944 г. в Лондоне министром иностранных дел эмигрантского правительства Норвегии Трюгве Ли и послом Советского Союза В.З. Лебедевым³⁷. В тот же день Норвегия заключила аналогичные соглашения с Великобританией и США, причём Трюгве Ли подчеркнул, что в этих соглашениях «норвежский суверенитет полностью признан, и целостность страны

³⁵ Документы внешней политики. 1940–22 июня 1941. Том XXIII: В 2-х кн. Кн. 1. 1 января — 31 октября 1940 г. Москва: Международные отношения; 1995: 363–364.

³⁶ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 2. 1 января — 31 декабря 1944 г.: Док. и материалы / Ред.-сост. С. Майоров. Москва: Госполитиздат; 1946: 214–229.

³⁷ Советско-норвежские отношения 1917–1955. Сборник документов. Москва; 1997: 344–347; Правда. 1944. 18 мая.

обеспечена»³⁸. Это был важный дипломатический сигнал: даже в условиях военного присутствия союзных войск на норвежской территории суверенитет Норвегии оставался неприкосновенным.

7 ноября 1944 г. в Москву прибыла норвежская делегация во главе с Трюгве Ли. Целью визита было обсуждение вопроса о норвежско-советском военном сотрудничестве на Севере, а также просьба о содействии в организации посещения министром юстиции Терье Вольдом освобождённых районов Финнмарка для инспекции и сбора информации (Комаров, 2020). 27 марта 1945 г. советский дипломат П.Д. Орлов предложил норвежскому послу Рольфу Андворду создать норвежско-советскую комиссию для демаркации границы. Андворд счёл предложение преждевременным, но Орлов отметил, что официальное заявление о восстановлении «старой границы» имело бы важное значение как противовес немецкой пропаганде³⁹. Здесь мы видим, как «гибкая граница» — память о линии 1826 г. — целенаправленно используется советской дипломатией для политической объективации и легитимации нового статус-кво.

Норвежское правительство поставило вопрос о демаркации после освобождения всей страны от немецкой оккупации. Это предложение было выдвинуто в памятной записке от 6 августа 1945 г., однако уже 16 августа временный поверенный Круг-Хансен сообщил о желательности отложить демаркацию до 1946 г.⁴⁰ 24 октября 1945 г. замнаркома В.Г. Деканозов принял норвежского посла Андворда, который вручил памятную записку о демаркации и передал советской стороне семь документов по пограничному режиму, существовавшему между Норвегией и Финляндией⁴¹. Норвежская сторона была заинтересована в том, чтобы соглашения о пограничном режиме, существовавшие прежде между Норвегией и Финляндией, были признаны имеющими силу и в отношениях между СССР и Норвегией. Как пояснялось в телеграмме МИД Норвегии послу Андворду, норвежское правительство предпочитало переподтвердить действие трактатов, подписанных в своё время с Финляндией, нежели решать пограничные вопросы «с помощью новых договоров»: «В поддержку норвежской точки зрения просим посольство ссылаться на желание обеих сторон быть добрыми соседями, подчёркивать то, сколь неблагоприятное впечатление возникнет, если положение норвежского населения в приграничных районах станет хуже, когда Советский Союз стал соседом, чем оно было, когда Норвегия соседствовала с Финляндией»⁴². Эта позиция отражала стремление сохранить существовавшие «гибкие границы» (отраслевые соглашения с Финляндией) и минимизировать изменения в

³⁸ Там же.

³⁹ Советско-норвежские отношения 1917–1955. Указ. соч. С. 377.

⁴⁰ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 27. П. 127. Д. 6. Л. 12.

⁴¹ АВПРФ. Ф. 0116. Оп. 27. П. 127. Д. 5. Л. 43; из дневника В.Г. Деканозова. Прием норвежского посла Андворда 24 октября 1945 г. / АВПРФ. Ф. 0116. Оп. 27. П. 127. Д. 6. Л. 21.

⁴² Телеграмма МИД Норвегии послу Норвегии в СССР Р.О. Андворду о сохранении традиционного пограничного режима на новой советско-норвежской границе // Советско-норвежские отношения 1917–1955. Указ. соч. С. 392–393.

повседневной жизни приграничного населения.

НКВД, со своей стороны, считал, что по некоторым из этих соглашений необходимы консультации с компетентными ведомствами, и предлагал заключить одну общую конвенцию о пограничном режиме, содержащую отраслевые разделы⁴³. Здесь мы наблюдаем процесс политической объективации на двух уровнях: Норвегия стремится сохранить существовавшие «гибкие границы» (отраслевые соглашения), тогда как СССР настаивает на новой системной «жёсткой границе» (единая конвенция).

2 июля 1946 г. МИД СССР уведомил норвежскую сторону о готовности провести демаркацию. 1 августа в Москву прибыла Норвежская правительственная делегация в Смешанной Комиссии по демаркации государственной границы между СССР и Норвегией — председателем Норвежской Делегации стал губернатор провинции Финнмарк Х. Габриельсен, а председателем Советской Делегации — советник МИД И.В. Маевский⁴⁴. Комиссия, заседавшая в Москве со 2 по 16 августа 1946 г., утвердила порядок работ и решила провести их летом 1947 г. В основу демаркационных работ было решено положить документы демаркации Русско-Норвежской границы 1826 г. и уточнённую карту этой границы 1896 г.⁴⁵ Это решение имело глубокий символический смысл: аннулированная четверть века назад «жёсткая граница» восстанавливалась именно в своём первоначальном виде. «Гибкая граница» памяти оказалась сильнее «жёсткой границы» политических изменений. Сама демаркация была проведена с 1 июня по 4 сентября 1947 г., а 18 декабря 1947 г. в Москве были подписаны протокол-описание, карты и другие документы. В советских газетах появилось сообщение: «Все работы по демаркации советско-норвежской границы проходили в духе полного взаимопонимания и согласия между обеими сторонами»⁴⁶.

Однако послевоенное восприятие границы в Норвегии было осложнено старыми страхами, связанными с «финской угрозой». Как показали исследования норвежских историков К.Э. Эриксона и С. Бунеса, в послевоенные годы норвежские власти сохраняли подозрительное отношение к финскому населению Северной Норвегии (квенам). Специальный список подозреваемых лиц («финский список»), содержащий около 2 000 человек, в основном финнов и лиц финского происхождения, вёлся с 1955 по 1970-е гг. Норвежские военные и полицейские власти опасались, что через Финляндию может осуществляться советское влияние, и что финское население Северной Норвегии может быть использовано в интересах СССР. Как отмечал начальник полицейской службы наблюдения (ПОТ), финны могли легче вербоваться советской разведкой из-за близости к советско-финской границе (Eriksen, 2017; Bones, 2017). В результате в 1950-е гг. паспортный контроль для финских граждан в Тромсе и Финнмарке был значительно усилен, а вплоть до 1975 г.

⁴³ АВПРФ. Ф. 0116. Оп. 27. П. 127. Д. 5. Л. 43–44.

⁴⁴ Правда. 1946. 2 августа; Известия. 1946. 2 августа.

⁴⁵ Известия. 1946. 30 августа.

⁴⁶ Правда. 1947. 23 декабря; Известия. 1947. 23 декабря.

действовал особый режим для финских граждан в этих двух фюльке (Там же). Это был яркий пример того, как «гибкие границы» восприятия — страх перед внешней угрозой — трансформировались в дискриминационную политику на уровне «жёстких границ» государственного контроля. Только в середине 1970-х гг., после публичных выступлений редактора газеты Finnmarken Сверре Нильсена и министра юстиции Ингер Луизы Валле, эти дискриминационные меры были отменены (Там же). Этот сюжет показывает, как старые страхи могут быть перенесены на новые геополитические реалии, и как «гибкие границы» этнического восприятия могут сохраняться даже после того, как «жёсткие» политические границы были пересмотрены. Он также демонстрирует, что преодоление «образов угрозы» требует не только политических, но и культурных усилий — публичного осуждения дискриминационной политики и политической воли для её отмены.

После появления демаркированной границы стороны приступили к выработке советско-норвежского документа о пограничном режиме. Договор между Правительством СССР и Королевским Норвежским Правительством о режиме советско-норвежской границы был подписан в Осло 29 декабря 1949 г.⁴⁷ Однако советско-норвежские отношения в 1949 г. переживали период резкого охлаждения, обусловленного вступлением Норвегии в апреле 1949 г. в военно-политический блок НАТО. В отчёте советского посольства в Норвегии за 1949 г. подчёркивалось, что правительство Герхардсена развернуло «провокационную антисоветскую пропаганду, распространяя клеветнические измышления об агрессивности Советского Союза, об угрозе Северной Норвегии со стороны СССР, о советском империализме»⁴⁸. По мнению посла С.А. Афанасьева, норвежское правительство, опасаясь, что оно взяло слишком крутой курс в отношениях с СССР, стало искать удобного случая, чтобы получить от Советского правительства подтверждение его дружественного отношения к Норвегии. Норвежский МИД предложил особо отметить в коммюнике о подписании договора «дружественную атмосферу», в которой протекали переговоры. Советская сторона отклонила это предложение, чтобы не «давать норвежским властям повод успокаивать общественность Норвегии тем, что всё якобы в советско-норвежских отношениях обстоит по-прежнему благополучно»⁴⁹. В сообщении «Известий» от 31 декабря 1949 г. в отличие от сообщения, опубликованного в 1947 г., не было сказано о наличии «духа взаимопонимания и согласия» — это маркер наступившей Холодной войны. Применяя концепцию асимметричного восприятия, мы видим здесь, как объективное техническое соглашение о «жёсткой границе» становится заложником политической конфронтации: обе стороны отказываются от символической объективации добрососедства, и «гибкие границы» (образы

⁴⁷ Johanson Bodil B. Overenskomsten mellom den Kongelige Norske Regjering og Regjeringen for Samveldet av Sovjetiske Sosialistiske Republiker om forskjellige forhold ved den norsk-sovjetiske grense og om fremgangsmåten ved ordningen av konflikter og hendinger på grensen. 50 år 1949–1999. Kirkenes: Norges Grensekommissariat; 1999. 70 s.

⁴⁸ Политический отчет Посольства СССР в Норвегии за 1949 год / АВПРФ. Ф. 0116. Оп. 39. П. 156. Д. 10. Л. 8.

⁴⁹ Сопроводительное письмо к отчету Посольства СССР в Норвегии за 1949 г. 21 февраля 1950 г. / АВПРФ. Ф. 0116. Оп. 39. П. 156. Д. 10. Л. 3-4.

угрозы) вновь начинают доминировать над институциональными соглашениями.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 октября 1950 г. договор был ратифицирован, а 7 ноября в соответствии с королевским постановлением вступил в силу и в Норвегии (Heger, 2015; ⁵⁰).

Заключение

История российско-норвежского пограничья, рассмотренная нами в контексте двухсотлетнего юбилея трактата 1826 г., представляет собой уникальный пример того, как линия, проведённая на карте почти случайно (в условиях неполноты знаний, ограниченного времени работы комиссаров и доминирования имперской логики над локальной целесообразностью), оказалась удивительно устойчивой и жизнеспособной. Эта устойчивость, как мы показали, определялась не столько географической логикой или военной силой, сколько сложным переплетением асимметричных восприятий, взаимных страхов и институциональных компромиссов, которые парадоксальным образом создавали условия для долгосрочной стабильности даже в периоды острой конфронтации.

Изучая эволюцию российско-норвежской границы, мы выделили четыре ключевых этапа, каждый из которых характеризовался определённым соотношением «гибких» (воображаемых) и «жёстких» (институциональных) рубежей.

Первый этап — от средневековья до начала XIX в. — был временем доминирования фронтального мышления, когда «общие округа» представляли собой пространство сосуществования трёх парадигм территориального воображения: саамской (архаичной, основанной на сезонных миграциях и коллективном владении), имперской (русской, терпимой к открытым зонам и не требующей чётких рубежей) и модерной (норвежской, стремившейся к герметичным национальным границам). Этот период показал, что отсутствие «жёсткой границы» не означало отсутствия территориальности — скорее, она была организована на иных, догосударственных принципах, где фискальная юрисдикция доминировала над политическим суверенитетом. Однако именно отсутствие «жёстких рубежей» создавало условия для будущего конфликта, когда норвежское национальное государство, формируясь, начало требовать определённости, а имперская Россия продолжала мыслить категориями фронта. Эта асимметрия восприятия стала фундаментальной характеристикой двусторонних отношений.

Второй этап — рождение границы в 1826 г. — стал результатом дипломатических переговоров, в которых переплелись региональные конфликты (жалобы скольтов, промысловые споры), личные амбиции (Миницкий vs. Пальмшерна, Галямин vs. Спёрк) и макрополитические соображения (союз Александра I с Карлом Юханом, стремление

⁵⁰ Johanson Bodil B. Overenskomsten mellom den Kongelige Norske Regjering og Regjeringen for Samveldet av Sovjetiske Sosialistiske Republikker om forskjellige forhold ved den norsk-sovjetiske grense og om fremgangsmåten ved ordningen av konflikter og hendinger på grensen. 50 år 1949–1999. Kirkenes: Norges Grensekommisariat; 1999. 70 s.

Николая I сохранить «добрососедство»). Мы показали, что конвенция 1826 г., выгодная для Норвегии, была воспринята в России как «территориальная потеря», что породило устойчивый миф о предательстве Галямина — миф, который, как мы установили, не имел под собой реальных оснований, но выполнял важную социально-психологическую функцию, позволяя сохранить образ «добротого царя» и переложить вину на «продажного чиновника». Этот миф, будучи «гибкой границей» (образом несправедливости), стал объективироваться в политической сфере, влияя на российскую пограничную политику на протяжении всего XIX в.

Третий этап — эволюция «лопарского вопроса» и эскалация мифов об угрозе в 1830–1905 гг. — продемонстрировал, как локальные промысловые конфликты постепенно политизировались, становясь символами экспансионистских устремлений соседа. С одной стороны, сервитут 1834 г. для пазрецких саамов стал для Норвегии доказательством готовности России нарушить суверенитет, а для России — инструментом защиты традиционных прав коренного населения. С другой стороны, доктрина Кроу о захвате незамерзающих гаваней, подхваченная шведской и норвежской элитами, создала устойчивый образ «русской угрозы», который, как показал анализ, был не столько отражением реальной политики России, сколько проекцией собственных страхов малого национального государства. Зеркально, в России, особенно в Архангельской губернии, сформировался образ «норвежской угрозы» — результата «хитроумной» дипломатической игры и «беспечности» центральных властей. Эта двойная асимметрия восприятия стала структурной характеристикой двусторонних отношений, при которой обе стороны видели друг в друге угрозу, но эта взаимная подозрительность также и удерживала их от радикальных действий: каждая боялась, что ревизия границы приведёт к ещё большим потерям. «Жёсткая граница» оказалась защищена «гибкими границами» взаимного страха.

Четвёртый этап — утрата и восстановление границы в 1920–1949 гг. — стал уникальным историческим прецедентом. Тартуский договор 1920 г. аннулировал линию 1826 г., передав область Петсамо Финляндии. Однако после Второй мировой войны, когда советские войска освободили Восточный Финнмарк и Печенга была возвращена в состав СССР, стороны приняли сознательное решение восстановить именно «старую» границу — ту самую, которая была установлена более века назад. Этот выбор, как мы показали, не был механическим: он отражал не только техническую целесообразность (наличие документов и карт 1826 и 1896 гг.), но и символическое значение — линия 1826 г. воспринималась как «историческая» и «естественная», даже несмотря на то, что её «искусственный характер» критиковался в России на протяжении всего XIX в. Демаркация 1947 г. и подписание договора о пограничном режиме в 1949 г. завершили этот процесс, но в условиях начавшейся Холодной войны и вступления Норвегии в НАТО символическая риторика «дружбы и согласия» ушла в тень, что стало маркером новой конфронтационной эпохи.

Обобщая результаты исследования, мы можем сформулировать несколько ключевых выводов, имеющих не только историческое, но и современное значение.

Первый вывод касается природы устойчивости границы. Устойчивость линии 1826 г. определялась не столько её географической «справедливостью» или «естественностью» — напротив, и в России, и в Норвегии существовали влиятельные силы, считавшие её несправедливой. Скорее, устойчивость обеспечивалась институциональной инерцией и взаимным страхом, так как обе стороны боялись, что пересмотр границы приведёт к непредсказуемым последствиям: для Норвегии — к утрате незамерзающих гаваней, для России — к ослаблению позиций на севере и потере контроля над стратегически важным регионом. Эта асимметричная взаимная сдержанность, подкреплённая международными договорами (ноябрьский трактат 1855 г., договор об интегритете 1907 г.), создала условия, при которых граница стала «застывшим» компромиссом, который никто не решался оспаривать.

Второй вывод касается роли локальных сообществ. Саамы — скольты, поморы, норвежские колонисты — были не просто пассивными объектами государственной политики, но активными субъектами «пространственной социализации». Их повседневные практики (промыслы, миграции, торговля) создавали «гибкие границы», которые влияли на восприятие соседа и в конечном счёте на формирование «жёстких» институциональных рубежей. В этом смысле история российско-норвежского пограничья опровергает классическую нисходящую модель «центр определяет периферию»: региональные конфликты и локальные инициативы неоднократно определяли повестку двусторонних отношений, а центральные власти вынуждены были реагировать на вызовы «снизу»: будь то жалобы скольтов в 1822 г., промысловые споры в 1860-х гг. или давление архангельской прессы в начале XX в. В то же время, как показал анализ мифа о Галямине, локальная память о «несправедливой» границе могла существовать десятилетиями, не перерастая в политические требования до тех пор, пока не создавалась благоприятная внешнеполитическая конъюнктура.

Третий вывод касается динамики «образов угрозы». Мы показали, что мифы о «русской» и «норвежской» угрозе были не просто результатом пропаганды, а сложными социокультурными конструктами, в которых переплетались реальные экономические и военные опасения, культурные стереотипы и политические манипуляции. Эти мифы выполняли важную функцию внутренней консолидации: для Норвегии — формирование национальной идентичности в противовес «восточному варварству»; для России — консолидация имперского пространства вокруг идеи защиты «исконных русских земель» от посягательств. Однако, как показала эволюция этих мифов, они могли как обострять отношения, так и парадоксально способствовать их стабилизации: взаимный страх предотвращал радикальные действия и удерживал стороны в рамках институциональных соглашений.

Четвёртый вывод касается уникальности восстановления границы в 1947 г. Этот прецедент, когда аннулированная линия была восстановлена в том же виде через четверть

века, не имеет аналогов в европейской истории. Он свидетельствует о том, что граница может обладать не только политическим, но и символическим ресурсом — она становится частью коллективной памяти и идентичности, которую даже радикальные политические изменения не могут полностью стереть. Для России и Норвегии линия 1826 г. стала «общим историческим достоянием», хотя каждая из сторон интерпретировала её по-своему: для Норвегии — как результат умелой дипломатии, для России — как «вынужденную уступку», которую, однако, не решались пересматривать.

В заключение, обращаясь к современному контексту — двухсотлетию юбилею границы и новой геополитической конфронтации, в которой Россия и Норвегия оказались по разные стороны баррикад, — мы можем извлечь несколько уроков из исторического опыта.

Во-первых, даже самая «несправедливая» граница может быть стабильной, если стороны признают её институциональную легитимность и не поддаются соблазну реваншизма. Исторический опыт показал, что попытки пересмотра (обмен территориями в 1840-х гг., требования архангельской общественности в 1890-х гг.) не приводили к успеху, а лишь обостряли взаимное недоверие. Напротив, признание статус-кво — даже если оно воспринималось как выгодное для одной стороны — создавало условия для долгосрочной стабильности.

Во-вторых, «образы угрозы» — это не просто пропагандистские клише, а реальные факторы, влияющие на политику. Игнорирование асимметрии восприятия — того, что одна сторона видит в действиях другой угрозу, а другая не осознаёт этого, — ведёт к ошибочным решениям и эскалации конфликтов. Российские власти в XIX в. не раз оказывались в ситуации, когда их действия (ультиматум 1851 г., поддержка ревизионистских настроений) воспринимались Норвегией как подтверждение «русской угрозы», хотя на самом деле были реакцией на локальные проблемы. И наоборот, норвежская политика норвегизации и колонизации, воспринимавшаяся в России как экспансия, была для Норвегии лишь инструментом внутренней консолидации.

В-третьих, локальное знание и местные инициативы остаются важнейшим ресурсом для поддержания добрососедства. В XIX в. именно промысловые контакты поморов, саамов и норвежских колонистов создавали «гибкие границы» взаимопонимания, которые смягчали остроту политической конфронтации. В современном контексте, когда официальные каналы коммуникации сужены, приграничное сотрудничество на уровне регионов, университетов, культурных институтов может выполнять ту же функцию — поддерживать каналы взаимодействия, которые не зависят от политической конъюнктуры.

В-четвёртых, юбилей границы — это не только повод для исторической рефлексии, но и возможность переосмыслить символический ресурс общей истории. Граница 1826 г. — это не линия разъединения, а «общее наследие», которое может быть осмыслено как совместный проект управления пространством. Уроки XIX–XX вв. показывают, что даже асимметричные соседи способны находить *modus vivendi*, если не подменяют реальность

идеологическими конструктами и сохраняют институциональные каналы диалога.

Двухсотлетняя история российско-норвежской границы — это история не только конфликтов и напряжённости, но и институциональной изобретательности, способности сторон удерживать различия в рамках договорённостей и не допускать эскалации. Этот опыт, как мы полагаем, может быть востребован не только историками, но и политиками, стремящимися понять, как даже в условиях геополитической конфронтации можно сохранять элементы взаимодействия и взаимного уважения к исторически сложившимся рубежам. Граница 1826 г., которую Галямин и Спёрк наносили на карту в тяжёлых походных условиях, располагая скудными данными, оказалась не просто линией, но «архитектурным проектом», пережившим империю, войны и идеологии. И в этом смысле она — не только исторический факт, но и напоминание о том, что даже случайные компромиссы могут становиться прочным фундаментом для долгосрочного сосуществования, если стороны готовы видеть в «жёсткой границе» не рубеж разъединения, а линию совместной ответственности.

Список источников

- Голдин В.И., Зайков К.С., Тамицкий А.М. Роль карт и населения Крайнего Севера России и Норвегии XVIII в. в конструировании границ внутреннего суверенитета // Былые годы. 2015а; 38 (4): 849–864.
- Голдин В.И., Зайков К.С., Тамицкий А.М. Саамы в истории норвежско-российского пограничья: фактор напряженности или региональной интеграции? // Былые годы. 2015b; 37 (3): 519–535.
- Голубцов Н. К истории разграничения России с Норвегией. Архангельск: Архангельский губернский статистический комитет; 1910. 44 с.
- Давыдов Р.А. Миф о русской угрозе Северной Норвегии и его влияние на мероприятия властей Российской империи в Евро-Арктическом регионе (вторая половина XIX — начало XX в.) // Империи и империализм Нового и Новейшего времени: сборник статей / Отв. ред.: Бодров А.В., Борисенко В.Н. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета. 2009: 356–361.
- Ефимова В.В. Генерал-губернаторы Европейского Севера и русско-норвежская конвенция 1826 г. // Живущие на Севере. 2010; 1: 65–78.
- Зайков К.С., Куприков Н.М., Куприков М.Ю. Северный фронт России и Норвегии XIII–XVII вв. // Былые годы. 2020; 58 (4): 2272–2279. <https://doi.org/10.13187/bg.2020.4.2272>
- Зайков К.С., Тамицкий А.М. Финский фактор в истории Северного Фронта Российской империи 1809–1855 гг. // Былые годы. 2016; 41 (3): 629–641.
- Комаров А.А. Европейский Север в 1944–1945 гг.: война и дипломатия // Заполярье 1944–1945: война, повседневность, память / Отв. ред. А.А. Комаров. Москва: Политическая энциклопедия. 2020: 12–24.
- Кристиансен Т. «Русские губят нас; они лишают нас средств к пропитанию»: Русско-норвежские отношения на Крайнем Севере до 1820 г. // Русский Сборник: Исследования по истории России / Под ред. О.Р. Айрапетова, М. Йовановича, М.А. Колерова, Б. Меннинга, П. Чейсти. Т. VIII. Москва: Модест Колеров. 2010: 26–52.
- Кристоман Б.Б. История научно-промыслового освоения Европейского Севера в контексте политических интересов Российской Империи в XIX — начале XX вв.: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Архангельск. 2003; 195 с.
- Кросби П. Борьба Финляндии, Германии и Советского Союза за стратегический регион Петсамо. 1940–1941. Москва: Центрполиграф. 2025; 257 с.
- Никольский В.Н. На русско-норвежской границе. Архангельск: Губернская типография. 1914; 9 с.

- Нойманн И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. Москва: Новое издательство. 2004; 336 с.
- Паасикиви Ю.К. Моя работа в Москве и Финляндии в 1939–1941 гг. Москва: Издательство «Весь Мир». 2021; 772 с.
- Попов Г.П., Давыдов Р.А. Мурман. Очерк истории края XIX — начала XX в. Екатеринбург: Уро РАН. 1999; 223 с.
- Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. Выпуск 1. Ведомства внешней политики и их руководители. Москва: Международные отношения. 1992; 288 с.
- Рупасов А.И., Чистиков А.Н. Советско-финляндская граница. 1918–1938 гг. Очерки истории. Санкт-Петербург: Аврора. 2016; 240 с.
- Чернышева О.А. Шведы о русских. По материалам начала XX века (1900–1920) // Северная Европа. Проблемы истории. Вып. 4. Москва: Наука. 2003: 102–125.
- Andresen A. Sii'daen som forsvant: Østsamene i Pasvik etter den norsk-russiske grensetrekningen i 1826. Kirkenes: Sør-Varanger Museum. 1989; 192 s.
- Andvord R. Med hånden på hjertet. Oslo: J.W. Cappelen. 1964; 374 s.
- Åselius G. The «Russian menace» to Sweden. The belief system of a small power security elite in the age of imperialism. Stockholm: Almqvist & Wiksell International. 1994; 455 p.
- Bones S. Om «den finske fare» — en kommentar // Septentrio Conference Series. Septentrio Academic Publishing. 2023: 203–205. <https://doi.org/10.7557/5.7335>
- Eriksen K.E. Gjensyn med den finske fare — nordlig overvåking og sikkerhetspolitikk i etterkrigstid [Review of the Finnish Threat — Northern Surveillance and Security Policy in the Post-War Period] // Septentrio Conference Series. 2023; 2: 196–202.
- Heger N. Mer enn en diplomat? Grensekommissærens rolle 1947–2002. Masteroppgave i historie. Oslo: Universitetet i Oslo, Institutt for arkeologi, konservering og historie. 2015; 130 s.
- Hosking G. Can Russia Become a Nation-State? // Nations and Nationalism. 1998; 4 (4): 449–462. <https://doi.org/10.1111/j.1354-5078.1998.00449.x>
- Ishizuka M. Norwegian-Russian borderland in transition: spatial perception among Norwegian elites 1826–1852 // Russia-Norway: Physical and symbolic borders / Ed. by T.N. Jackson, J.P. Nielsen. Moscow: Languages of Slavonic Culture. 2005: 95–104.
- Johnsen O.A. Finmarkens politiske historie aktmæssig fremstillet. Kristiania: Dybwad. 1923; 357 p.
- Lähteenmäki M. The Peoples of Lapland: Boundary Demarcations and Interaction in the North Calotte from 1808 to 1889. Helsinki: Finnish Academy of Science and Letters. 2006; 335 p.
- Russland kommer nærmere: Norge og Russland, 1814–1917 / Nielsen J.P., ed. Oslo: Pax Forlag AS. 2014; 643 p.
- Niemi E. Etnisitet, nasjonalitet og grenseforhold i det nordligste Skandinavia fram til vår tid // Grenser og grannelag i Nordens historie / Ed. by S. Imsen. Oslo: Cappelen akademisk forlag. 2005: 387–415.
- Niemi E. Kirka som grensefesting: kirkebygging, religiøs spenning og grensesikring i Finnmark. 1850–1940 // Forpost mot øst: fra Vardø og Finmarks historie 1307–2007: rapport fra det XXXII nordnorske historieseminar, Vardø, 21–23 september 2007 / Ed. by R.R. Balsvik, J.P. Nielsen. Stamsund. 2008: 153–158.
- Niemi E. Pomor: Nord-Norge og Nord-Russland gjennom tusen ar. Oslo: Gyldendal. 1992; 192 s.
- Niemi E. Vadsø's historie. Bind 1: Fra øyvaer til kjøpstad (inntil 1833). Vadsø: Vadsø kommune. 1983; 621 s.
- Palmstierna C.F. Sverige, Ryssland och England, 1833–1855: Kring Novembertraktatens förutsättningar. Stockholm: Kungl. boktryckeriet. P. A. Norstedt & söner. 1932; 408 s.
- Roginsky V.V. The 1826 Delimitation Convention between Norway and Russia: a Diplomatic Challenge // Russia — Norway: Physical and Symbolic Borders / Ed. by T.N. Jackson, J.P. Nielsen. Moscow: Languages of Slavonic Culture. 2005: 162–168.
- Tolz V. Russia (Inventing the Nation). London: Bloomsbury Academic. 2001; 320 p.
- Wikan S. Grensebygda Neiden: Møte mellom folkegrupper og kampen om ressursene. Nordkalott-forlaget. 1995; 473 s.
- Zaikov K. Between the empire and the nation state: the problem of the Russian-Norwegian frontier and Sami occupation in the 19th–early 20th centuries // The Polar Journal. 2019; 9 (1): 154–174. <https://doi.org/10.1080/2154896X.2019.1618560>

References

- Andresen A. *Sii'daen som Forsvant: Østsamene i Pasvik etter Den Norsk-Russiske Grensetrekningen i 1826*. Kirkenes, Sør-Varanger Museum; 1989. 192 p.
- Andvord R. *Med Hånden på Hjertet*. Oslo, J.W. Cappelen; 1964. 374 p.
- Åselius G. *The "Russian Menace" to Sweden. The Belief System of a Small Power Security Elite in the Age of Imperialism*. Stockholm, Almqvist & Wiksell International; 1994. 455 p.
- Bones S. Om "Den Finske Fare" — en Kommentar. *Septentrio Conference Series*. 2023: 203–205. <https://doi.org/10.7557/5.7335>
- Chernysheva O.A. Swedes about Russians. Based on Materials from the Early 20th Century (1900–1920). In: *Northern Europe. Problems of History*. Iss. 4. Moscow, Nauka Publ.; 2003: 102–125.
- Crosby P. *The Struggle of Finland, Germany, and the Soviet Union for the Strategic Region of Petsamo. 1940–1941*. Moscow, Tsentrpoligraf Publ.; 2025. 257 p. (In Russ.)
- Davydov R.A. The Myth of the Russian Threat to Northern Norway and Its Influence on the Activities of the Authorities of the Russian Empire in the Euro-Arctic Region (the Second Half of the 19th – Early 20th Century). In: *Empires and Imperialism in Modern and Contemporary History: A Collection of Articles*. Saint-Petersburg, SPbU Publ.; 2009: 356–361.
- Efimova V.V. Governors-General of the European North and the Russian-Norwegian Convention of 1826. *Zhivushchie na Severe*. 2010; 1: 65–78.
- Eriksen K.E. Review of the Finnish Threat — Northern Surveillance and Security Policy in the Post-War Period. *Septentrio Conference Series*. 2023; 2: 196–202.
- Goldin V.I., Zaikov K.S., Tamitskiy A.M. Sami in the History of the Norwegian-Russian Borderland: Factor of Tension or Regional Integration? *Bylye Gody*. 2015b; 37 (3): 519–535.
- Goldin V.I., Zaikov K.S., Tamitskiy A.M. The Role of the XVIII Century Maps and the Population of the Higher North of Russia and Norway in the Construction of the Borders of the Internal Sovereignty. *Bylye Gody*. 2015a; 38 (4): 849–864.
- Golubtsov N. *On the History of the Delimitation of Russia with Norway*. Arkhangelsk, Arkhangelskiy Gubernskiy Statisticheskiy Komitet Publ.; 1910. 44 p. (In Russ.)
- Heger N. *Mer enn en Diplomat? Grensekommissærens Rolle 1947–2002. Masteroppgave i Historie*. Oslo, Universitetet i Oslo, Institutt for Arkeologi, Konservering og Historie. 2015. 130 p.
- Hosking G. Can Russia Become a Nation-State? *Nations and Nationalism*. 1998; 4 (4): 449–462. <https://doi.org/10.1111/j.1354-5078.1998.00449.x>
- Ishizuka M. Norwegian-Russian Borderland in Transition: Spatial Perception among Norwegian Elites 1826–1852. In: *Russia-Norway: Physical and symbolic borders*. Moscow, Languages of Slavonic Culture; 2005: 95–104.
- Johnsen O.A. *Finmarkens Politiske Historie Aktmæssig Fremstillet*. Kristiania, Dybwad; 1923; 357 p.
- Komarov A.A. The European North in 1944–1945: War and Diplomacy. In: *The Arctic 1944–1945: War, Everyday Life, Memory*. 2020: 12–24.
- Kristiansen T. "The Russians Are Ruining Us; They Are Depriving Us of Our Livelihood": Russian-Norwegian Relations in the Far North Before 1820. In: *Russian Collection: Studies in Russian History*. Vol. VIII. Moscow, Modest Kolerov Publ.; 2010: 26–52.
- Kristoman B.B. *The History of Scientific and Commercial Development of the European North in the Context of the Political Interests of the Russian Empire in the 19th – Early 20th Centuries*: Cand. Hist. Sci. Diss. Arkhangelsk. 2003. 195 p. (In Russ.)
- Lähteenmäki M. *The Peoples of Lapland: Boundary Demarcations and Interaction in the North Calotte from 1808 to 1889*. Helsinki, Finnish Academy of Science and Letters; 2006; 335 p.
- Neumann I. *Using the "Other". Images of the East in the Formation of European Identities*. Moscow, Novoe Izdatelstvo Publ.; 2004. 336 p. (In Russ.)
- Nielsen J.P., ed. *Russland Kommer Nærmere: Norge og Russland, 1814–1917*. Oslo, Pax Forlag AS; 2014. 643 p.
- Niemi E. Etnisitet, Nasjonalitet og Grenseforhold i Det Nordligste Skandinavia fram til Vår Tid. In: *Grenser og Grannelag i Nordens Historie*. Oslo, Cappelen Akademisk Forlag; 2005: 387–415.
- Niemi E. Kirka som Grensefesting: Kirkebyggning, Religiøs Spenning og Grensesikring i Finnmark. 1850–1940. In: *Forpost mot Øst: Fra Vardø og Finmarks Historie 1307–2007: Rapport fra Det XXXII*

- Nordnorske Historie seminar. Stamsund. 2008: 153–158.*
- Niemi E. *Pomor: Nord-Norge og Nord-Russland gjennom tusen ar*. Oslo, Gyldendal; 1992; 192 p.
- Niemi E. *Vadsø's Historie. Bind 1: Fra Øyvaer til Kjøpstad (Inntil 1833)*. Vadsø, Vadsø Kommune; 1983; 621 p.
- Nikolskiy V.N. *On the Russian-Norwegian Border*. Arkhangelsk, Gubernskaya Tipografiya Publ.; 1914. 9 p. (In Russ.)
- Paasikivi J.K. *My Work in Moscow and Finland in 1939–1941*. Moscow, Ves Mir Publ.; 2021. 772 p. (In Russ.)
- Palmstierna C.F. *Sverige, Ryssland och England, 1833–1855: Kring Novembertraktatens förutsättningar*. Stockholm, Kungl. Boktryckeriet. P. A. Norstedt & Söner; 1932; 408 p.
- Pokhlebkin V.V. *Foreign Policy of Rus, Russia, and the USSR for 1,000 Years in Names, Dates, and Facts. Part 1. Foreign Policy Agencies and Their Leaders*. Moscow, Mezhdunarodnye Otnosheniya Publ.; 1992. 288 p. (In Russ.)
- Popov G.P., Davydov R.A. *Murman. An Essay on the History of the Region in the 19th — Early 20th Century*. Ekaterinburg, UB RAS Publ.; 1999. 223 p. (In Russ.)
- Roginsky V.V. The 1826 Delimitation Convention between Norway and Russia: a Diplomatic Challenge. In: *Russia — Norway: Physical and Symbolic Borders*. Moscow, Languages of Slavonic Culture; 2005: 162–168.
- Rupasov A.I., Chistikov A.N. *The Soviet-Finnish Border. 1918–1938. Historical Essays*. Saint Petersburg, Aurora Publ.; 2016. 240 p. (In Russ.)
- Tolz V. *Russia (Inventing the Nation)*. London, Bloomsbury Academic; 2001. 320 p.
- Wikan S. *Greensebygda Neiden: Møte mellom Folkegrupper og Kampen om Ressursene*. Nordkalott-Forlaget. 1995; 473 p.
- Zaikov K. Between the Empire and the Nation State: The Problem of the Russian-Norwegian Frontier and Sami Occupation in the 19th–Early 20th Centuries. *The Polar Journal*. 2019; 9 (1): 154–174. <https://doi.org/10.1080/2154896X.2019.1618560>
- Zaikov K.S., Kuprikov N.M., Kuprikov M.Yu. Northern Frontier of Russia and Norway in the 13th–17th Centuries. *Bylye Gody*. 2020; 58 (4): 2272–2279. <https://doi.org/10.13187/bg.2020.4.2272>
- Zaikov K.S., Tamitskiy A.M. Finnish Factor in the History of the Northern Frontier of the Russian Empire 1809–1855. *Bylye Gody*. 2016; 41 (3): 629–641.

Статья поступила в редакцию 20.07.2026; принята к публикации 27.07.2026

Вклад авторов: все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов